

МЕСТУ ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Коллеги, заранее предупреждаю: лекций я читать не умею и не люблю. Еще в юности мне попала в руки книжка Гессе «Игра в бисер». Там автор клеймит эпоху так называемого фельетонизма. Перечисляя фигуры фельетонистической эпохи, помимо разнообразных экстрасенсов и целителей, популярных политологов, журналистов и кутюрье, он упоминает и профессоров, срывавших аплодисменты в переполненных аудиториях. Все эти фигуры, злобно добавляет Гессе, навсегда исчезли и не появлялись более. Его бы устами да мед пить.

Тем более мне глубоко чужда идея публичного чтения лекций на заданную тему. Я же не Иосиф Кобзон, а вы не на концерте. Мне всегда хотелось заботиться, думать и говорить о самом главном. Либо у нас с вами есть общее главное дело, которое нас объединяет – тогда мы живем и будем жить в одной стране. И тогда я хотел бы понять, в чем состоит это главное, дать ему имя, заниматься им. Либо, если его нет, тогда и замечательный проект «Открытый университет» не имеет будущего.

По взаимной нераспорядительности двух столиц – Москвы и Чебоксар – правильное название моей лекции не попало на сайт проекта, тезисы тоже затерялись. Поэтому сообщаю тему устно: «Собственность. Предприниматель. Россия. Месту встречи изменить нельзя». Я хочу проверить, не лежит ли на пересечении трех таких разных сущностей – «собственность», «предпринимательство» и «Россия» – узел нашего общего интереса, разом и шкурного, и высокого, богочеловеческого и одновременно жизненного, который у нас очень бездарно осознается. Подозреваю, что в точке пересечения мы обнаружим самих себя. Обнаружим, кстати, в чрезвычайно интересном положении, сложном, но одновременно перспективном.

Давайте начнем с *собственности*. Казалось бы, в зале, помимо экономистов, есть и филологи, и даже стоматологи, и черта ли им в этой самой собственности? Собственность ассоциируется с каким-то барахлом, с дачами, цементными заводами, новыми русскими, и большинство из присутствующих (кстати, глубоко ошибочно) себя собственниками не считают.

Был в моем детстве такой стишок – не знаю, какие стихи сейчас читают современные дети, – про мистера Твистера. «Мистер Твистер – бывший министр, мистер Твистер – миллионер, владелец заводов, газет, пароходов...»

Вот здесь делаем стоп. Давайте попробуем разобраться с собственностью на примере этих самых газет. Считается, что все и так знают, что такое владелец заводов. (Хотя, замечу, сейчас заводы почему зря друг у друга отбирают в один момент). А вот что такое владелец газеты? Понятно, что это не владелец экземпляра газеты или даже стопки газет. Даже годовая подшивка газеты – похоже, не то, чем владеет мистер Твистер. Чем же он тогда владеет? Ну, есть, видимо, полиграфическая техника. Вполне возможно, что она принадлежит мистеру Твистеру, но это несущественно, ведь печатать газету можно где угодно. Вполне вероятно, что ему принадлежит целлюлозно-бумажный комбинат, хотя я думаю, он ему решительно не нужен, потому что газета – вещь во многом нематериальная. В таком случае, уж не является ли он собственником текстов? Едва ли, тексты являются интеллектуальной собственностью журналистов или редакции, а мистер Твистер их не пишет и, по всей видимости, не читает.

И чем дальше мы будем разбираться с собственностью на газеты, тем более удивительным становится вопрос: а что, собственно говоря, у него в собственности, чем он владеет? И дело даже не в газете. Вот есть такой популярный компьютерный брэнд «Дэлл». Так вот, Дэниел Дэлл, миллиардер, который создал эту империю и брэнд (кое-кто, наверное, об этом знает, особенно студенты-экономисты), изначально не имел в собственности никаких заводов, компьютеров, комплектующих, материнских плат, пентиумов и прочих электронных штучек. Это все

принадлежало не ему. Он создал империю, он производит и продает колоссальное количество современной вычислительной техники, но никакими материальными компонентами процесса производства не владел и, возможно, не владеет.

Тогда возникает вопрос: собственно говоря, на что собственность у господина Дэлла? Заранее даю правильный ответ, который будет пока непонятен: собственность у него на *предпринимательскую схему*. Это такой продукт, который не виден. Например, радиоинженер из конденсаторов и транзисторов (сейчас это уже микросхемы) конструирует радиоприемник. Так вот, у него собственность на схему. И он, благодаря тому, что придумал, как свинтить вместе эти конденсаторы и транзисторы, которые стали после этого работать как единое целое, – произвел новую услугу, которая называется «передача на расстояние музыки и речи».

Так чем же владеет мистер Твистер? Давайте еще внимательнее всмотримся, что такое газета и как она работает. Может ли мистер Твистер уволить главного редактора? Вообще-то говоря, юридически может, но, если он не идиот, то делает это крайне редко, потому что увольнение главного редактора может повлечь за собой крушение всей газеты, особенно, если это известный и уважаемый человек и трудовой коллектив на него ориентируется.

Далее. В газете есть реклама, бизнесмены используют газету для того, чтобы рекламировать свой продукт. Волен ли мистер Твистер перестать рекламировать их продукт? Да нет, газета же разорится. В учебниках по экономике, там, где рассказывается про собственность, приводится классическая триада: владение – распоряжение – пользование. Но если вы посмотрите на эти три понятия, то поймете, что у мистера Твистера как-то все смешано. Так, Штирлиц, например, использует его газету для того, чтобы в рубрике объявлений подавать время от времени маленькое странное объявление о том, что продаются щенки колли, по которым Алекс узнает от Юстаса, что новый эшелон с боевой техникой проследовал с севера на юг. Масса других людей (например, политтехнологи), даже не спрашивая мистера Твистера, используют его газету для своих нужд, и очень даже эффективно.

Выходит, газета – странный социальный феномен, своеобразный муравейник. Там имеют свою долю журналисты, редакторы, полиграфисты, бумажники, обозреватели, почтовики, читатели, рекламодатели, имиджмейкеры... Так кто же владеет этим всем, кто распоряжается, кто пользуется, и в каком смысле газета «принадлежит» мистеру Твистеру? Может, это он ей принадлежит?

Если вы думаете, что дело только в газете, давайте разберемся с чем-нибудь более простым. Например, у вас есть штаны. Ваши собственные штаны. Или автомобиль. Или недвижимость. Но современное западное общество устроено так, что либо вы должны официально оформить собственность на штаны и получить титул собственника, либо в первой же подворотне их с вас могут снять, и суд не станет защищать вас в отсутствие документов, которые бы подтверждали право собственности на эти штаны. А как только вы зарегистрировали свое имущество в установленном порядке, а затем, например, использовали его в качестве залога, чтобы взять кредит, вы немедленно вступаете в азартную игру на эти самые штаны. Большинство людей, кстати, ее систематически проигрывают. То есть у вас время от времени то пятнадцать пар штанов, то нет вообще ни одних.

Если вы отказываетесь играть, общество в отместку не признает вас собственником, то есть своим полноправным членом. Тогда ваша собственность постоянно находится под угрозой, потому что любой хулиган или рейдер ее у вас может отобрать, и придется противостоять ему в одиночку. Если же вы хотите получить какие-то гарантии, надеетесь на защиту вашей собственности со стороны общества, тогда извольте поставить ее на кон в азартной игре.

Одна из базовых тенденций процесса передела собственности состоит в следующем: *собственность переходит от номинальных владельцев к тем, кто способен эффективно ею управлять*. Однако в этой на вид банальной фразе скрыта глубокая двусмысленность.

Для начала сошлюсь на выступление Глеба Павловского в ЦКП 4 сентября 2000 года в качестве одного из провозвестников революции управляющих. Он описал нашу страну как свалку ресурсов, значительная часть которых помечена свалковладельцами как «не допускаемые к использованию другими». Участок мечен – моё! Масса ресурсов находится в руках номинальных собственников, которые не в состоянии ими разумно распорядиться, но талантливо мешают делать

это другим. Кстати, в случае разбирательств, как эта собственность к ним попала, как правило, документы, подтверждающие права владения/распоряжения, оказываются негодными или вовсе не обнаруживаются. Павловский говорил тогда: государство заинтересовано, чтобы сложившийся порядок был конструктивно нарушен, чтобы были запущены механизмы перехода собственности к тем, кто реально может ею управлять. При этом надо отдавать себе отчет, что нет надежды на полную легитимность такого перехода. Подобного сорта процессы не могут целиком проходить «по правилам игры», они обязательно содержат акт самоутверждения, захвата власти в игре, утверждения новых правил, *провозглашения новым субъектом нового суверенитета*. В связи с этим, Павловский обратился к лозунгу «Россия вакантна для молодежи». Для тех молодых людей, которые смогут получить современную предпринимательскую компетенцию, вакансии собственников как раз открыты – как говаривал полковник Скалозуб.

Так вот, о двусмысленности. Помните резоны скалозубовской открытости? «То старших выключат иных, другие, смотришь, перебиты...» Что означают слова о переходе собственности к эффективным управляющим? Если понимать собственность банально – как вещь, производство, банковский счет – тогда и понимание «эффективного управления» тоже будет плоским. Пусть в результате честной конкуренции на совершенном рынке свечной заводик перейдет к тому, кто сможет из него выжать не 5, а 6% прибыли. Пусть бесконфликтно и политкорректно победит сильнейший!

Студенты-экономисты, конечно же, читали и слышали про то, что собственность – сложный социальный феномен, связанный с разделением труда. Множество людей и институтов должны состоять друг с другом в многоярусной системе технологических, организационных и экономических отношений только для того, чтобы некий гражданин, сдав деньги в окошечко местной кассы, мог получить их затем в зарубежном банкомате. Отношения эти, увы, внутренне конфликтны, противоречивы и подвержены внезапной динамике. Наши сограждане, немало потолкавшиеся в последние годы у разных окошечек, прочувствовали философию собственности на собственной шкуре.

Впрочем, титульные собственники, не привыкшие к очередям, тоже чувствуют себя все более неуютно. Скажем, государство (в лице какого-нибудь забытого ныне вице-премьера Сосковца) отписало заводик одному из достойных людей. Как вдруг появляются какие-то, прости Господи, «миноритарные акционеры» (иногда даже студенты), колдуют с законами и документами – и этот заводик уплывает из рук. Возмутительное явление! Когда же начинаются разбирательства с упомянутыми студентами, то выясняется, что никаких легитимных способов опровергнуть их действия не находится, что только усугубляет возмущение.

Здесь я хотел бы напомнить главную мысль С. Платонова, которую он сформулировал в самом первом своем трактате 83-го года, отправленном еще Андропову. *В эпоху социального постмодерна с собственностью происходит важнейшая метаморфоза*. Она начинает терять качество отчужденной силы (то есть не управляемой как целое никем системы отношений между людьми в процессе присвоения ими общественного добра) и шаг за шагом *превращается в предмет социальной инженерии, сознательного и все более профессионального конструирования*. В этом смысл постиндустриальной революции управляющих: собственность начинает переходить из «невидимых рук» рынка, политики и войны, прихотливо тасующих колоду номинальных «собственников», в руки тех, кто, познав ее природу, сумеет с нею доподлинно управиться.

Передел собственности – всегда передел «по понятиям», но не в блатном смысле, а в самом что ни есть современном и концептуальном. Невозможно управлять переделом собственности, не имея *понятия собственности*. Банальность понятия предмета приводит к банальным результатам в попытках овладения и управления им. Степень адекватности государства хозяйственным и политическим проблемам постиндустриального общества в решающей степени зависит от степени его владения понятием собственности.

Так давайте разберемся с понятиями. Имеется Конституция РФ, которая, по идее, должна их определять. В энциклопедическом словаре деликатно сказано, что «в Конституциях собственность обычно определяется как одно из основных прав человека. Свободное распоряжение собственностью и ее защита гарантируются законом». Тут даже есть слово «отчуждение». Только оно имеет не прямой, т.е. философско-гегельянский или марксистский смысл, а казённо-

банальный, в смысле «набить морду и отобрать». Далее нам напоминают: «Конституции многих государств, следуя известной конституционной формуле «собственность обязывает», оговаривают, что пользование ею не должно идти во вред обществу и нарушать права других граждан». И масса прочих благоглупостей. Наконец, партия торжественно провозглашает: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда».

Я всегда, читая подобное, изумлялся: когда «невидимая рука» за ночь, пока вы спите, лишает вас имущества – как тут с решением суда? Если вы всё нажитое, согласно рекомендациям, «перевели в ликвидную форму», деньги вложили в акции, легли спать, а утром обнаружили, что ваша собственность обесценилась в два раза, то на кого подавать в суд в такой ситуации? На руку-невидимку? На гражданина Доу-Джонса?

Не забыты также заветы классиков либерализма: «В соответствии с частью 3 статьи 17 Конституции осуществление права собственности не должно нарушать права других лиц». Тоже очень интересный вопрос. Как насчет корпоративных рейдеров, которые только и делают, что покушаются на чужую собственность? И вообще, какова роль гарантов конституции – законодателей и судей в типичной нынешней ситуации, когда практически любой законодательный акт, официально направленный на борьбу с «несовершенством законодательства», порождает к жизни целые классы предпринимательских схем по уводу собственности?

Мы потом посмотрим, как с этими банальностями пресловутого «здравого смысла» разбирался молодой Маркс. В конце 1843 – начале 1844 года появилась его статья под многообещающим названием «К еврейскому вопросу». Не надейтесь найти там что-нибудь этакое про сионизм и антисемитизм – там про собственность.

Но прежде, чем нырнуть в бездны теории, обратимся к этимологии. Давайте сопоставим конституционную трактовку собственности с тем, как она сама себя раскрывает в русском языке. В словаре Даля «собственность» как отдельная статья отсутствует, но присутствует как раздел в статье «собь».

«Собь» – особое русское слово. «Собь», «собность», «собина», «собство», «собственность» – из очень древнего слоя языка. Обратите внимание: слово «особый» в одной из трактовок означает примерно то же, что и «частный». Даже в английском это видно: «particular» от слова «particle» – частица. И русский словарь дает слова «частный» и «особый» как синонимы. Получается, что «частная собственность» означает «особая собь», т.е. «масло масляное». Язык подсказывает нам: всякая собственность является частной по определению. Тогда выходит, что «общественная собственность» означает «общую частность»? Похоже, привычные слова, поставленные рядом, означают здесь нечто совершенно иное. Это не я утверждаю, так подсказывает язык.

Почему же язык считает, что всякая собственность – частная? По банальной причине. Вдумайтесь в определение. Собственность – система отношений по поводу присвоения дефицитных ресурсов. Дефицитность ресурса означает, что разные *части* общества к нему относятся по-разному, некоторые из *частей* присваивают его эксклюзивным или преимущественным образом, а прочие стоят в очереди либо просто отдыхают. Государственная собственность в этом смысле – безусловно, *частная*, потому что часть общества под названием государство находится в ином отношении к собственности, чем все прочие: корпорации, гражданские союзы и т.д.

Далее. Рассмотрим смысловой ряд: «Собственность» – «собь» – «собность» – «способность» – «способ». Язык подсказывает, что владение способом тесно связано с собственностью. Способность к действию рождает собственность, подобно тому, как «винтовка рождает власть» (согласно учению Мао). Но эту тенденцию постиндустриального общества мы уже упоминали: тот, кто владеет способом управления, в итоге становится собственником. Русский язык предвосхищает ее, она внутренне (как говорят философы, «имманентно») присуща его понятийному строю.

Что еще заложено в понятии собственность? «Собственность» – «собь» – «особь» – «обособление» – «усобица» – «междоусобный» – «пособник». Видите, с одной из сторон это понятие оказывается негативно окрашенным. «Собственность» – что-то плохое, чреватое

шкурными противоречиями, взрывами усобиц и моральным конфликтами. «Обособление» указывает на связанную с собственностью великую проблему «отчуждения».

У Даля есть такая формулировка: «Чужой – собь другого». Я всегда чувствовал, что «чуж» по происхождению неславянский корень. Так оно и оказалось: «чуж» (это, правда, я узнал не из Даля) – очень раннее заимствование из готского языка в старославянский, относящееся к первым векам нашей эры. Собственно, «чуж» могло быть и названием какого-то из готских племен, с которым сталкивались праславяне. Я не хочу на эту тему фантазировать, просто констатирую, что корень «чуж» заимствован и присвоен. «Свой» и «чужой» – две гигантские словарные статьи, которые занимают у Даля по несколько страниц, пестрящих пословицами и противопоставлениями.

Но неужто русский язык не признает за собственностью никаких достоинств? Продолжим этимологическое погружение в его глубину. Там мы находим *древний индоевропейский корень «сво»*. Он лежит в основе русского слова «свобода». Но от него же происходит и слово «свой». В старославянском есть слово «свобство» («*собьство*»). Происходит от этого же корня. Его значения: свойство; существо; сущность; общность; лицо, ипостась Бога, совокупность личных свойств человека.

Одновременно «собство» имеет целый букет значений, связанных с тем, что человек обособился и выпендривается: «Слишком много в нем собства». Это означает кураж, выпячивание собственных индивидуальных черт, которые никому неинтересны, и, в общем-то, убоги и противны.

Смотрите, в ядре понятия «собственность» мы обнаруживаем двойную бездну: позитивное начало, связанное со свободой, самостью, личностью и даже с Богом, и негативное, связанное с враждой, междоусобицей, самодурством и отчуждением.

С подобным феноменом двоящейся глубины мы с моими студентами уже сталкивались три года назад, когда анализировали понятие из западной социологии “virtue” – добродетель. Выяснилось, что в virtue «засунут» целый мир вплоть до антагонистических начал. В его основе – латинский корень *vir-* (сила, доблесть). *Viral strength* – “мужская сила”, *virality* – “способность к половому акту и деторождению”, “половая потенция”, “мужество”, “энергия”, “сила характера”. Но рядом обнаруживается *virgin, virginity* – “невинность”, “девственность”, “непорочность”, “женское начало”.

Знакомое слово *virtual*. Вторым его значением, действительно, является “возможный”, “виртуальный”, “предполагаемый”, “мнимый”. Но вот первое значение – “фактический, действительный, являющийся чем-то по существу, реально, а не формально; *the virtual manager* – фактический руководитель предприятия”. Слово *virtuality* означает “сущность”, “существо дела”, и оно же означает “возможность”, “потенциальность”.

Virtuos – “добродетельный”, “сильный”, “действенный”, “эффективный”. Он же “магический”, “обладающий волшебной силой”. Но тут же *virulent* – “опасный”, “страшный”, “смертельный”, “злой”, “жестокий”, “яростный”, “ядовитый”.

«Собственность» оказывается связанной с корневыми сущностями языка, фундаментальными проблемами человеческого бытия. Одновременно она несет в себе целый калейдоскоп все более конкретных смыслов, послойно раскрывающих себя в истории, возобновляющих это понятие в его актуальном, предельно современном качестве.

Пирамида собственности многослойна, как сталактит. Родовой, нерасчлененно-синкретический пласт значений слова *собь-собственность* лучше всего сохранился в русском и группе южнославянских языков: болгарском, сербском, хорватском. По направлению к западу, начиная с украинского языка, слова, означающие «собственность», имеют в основе уже совсем другой корень – «владение», «власть». «Собственник» = «владелец». Т.е. на западе славянского мира произошло нечто, приведшее к захвату прежнего значения новым корнем. В понятии проявился новый слой: собственность – то, на что распространилась наша власть. Язык недвусмысленно свидетельствует: властные отношения являются частным случаем отношений собственности. Книга «После коммунизма», в которой об этом сказано, столкнулась с обвинениями в непрофессионализме со стороны экономистов и юристов, воображающих себя «специалистами по собственности». На деле они ковыряются в поверхностном слое ее третьего, новейшего пласта, связанного с рынком.

Конституция величественно игнорирует концептуальные тонкости, не интересуется структурой и динамикой понятия собственности. В результате она превращает себя в памятник человеческой ограниченности. Собственности наплевать, кто и что насочинял в конституции, что

при этом имел в виду и какие у него были похвальные намерения. Собственность ведет себя «по понятиям». Собственность выше «права», сильнее «закона», все это не более чем внутренние этапы ее истории, элементы структуры.

Что же такое собственность в современном мире? Беда в том, что сам этот вопрос на долгие годы выпал из основного русла западной экономической мысли. Собственность понималась банально – как юридическое право чем-то владеть, распоряжаться или пользоваться. И вот теперь, в последние десятилетия, появились новые институционалисты (сами себя они называют по-разному), которые вновь вернулись к вопросу о том, что собственность – это, вообще-то говоря, вовсе не вещь, и даже не только право распоряжаться вещью. Способность правильно и эффективно распорядиться сплошь и рядом бывает важнее, чем право. Например, вы можете занять право сесть за шахматную доску с Каспаровым и сыграть с ним на деньги. Но, думаю, не стоит торопиться. Потому что мало иметь право, надо еще иметь способность сыграть в шахматы с Каспаровым и победить. А уж если у вас есть способности, то право вы получите – рано или поздно, может быть, по итогам нескольких турниров.

Таким образом, собственность – это способность к определенному способу деятельности. Видите – штаны, газеты и пароходы тихо исчезли из этого определения. Если у вас есть способность к некоторой деятельности, то вы собственник, и в этом смысле вы получите все: и право, и деньги, и капитал. Правда, получите через несколько шагов. В современном мире, где барьеры пресловутых транзакционных издержек все время падают, путь от способности к присвоению, соответственно, сокращается. Если же у вас нет такой способности, то вы можете быть прямым наследником Рокфеллера, Мердока или Сороса, но вся унаследованная титульная собственность со временем рассосется, потому что придется отдать ее в управление кому-то, способному управлять. А с момента, как вы отдали это – завод, газету или пароход – в управление, будьте уверены, что «это» уже принадлежит управляющему, а не вам, если вы не в состоянии его проконтролировать. Но чтобы контролировать, нужно владеть как минимум теми же способами и стандартами управления собственностью, что и нанятый вами управляющий.

Проблемы российских собственников гораздо глубже. У нас дело не только в отдельно взятых заводах, газетах и пароходах. Дело в том, что вся страна как целое сейчас собственника не имеет. Когда говорят об «утечке российских капиталов за рубеж», то за этой метафорой скрываются не козни новых русских, а гораздо более прискорбное явление. Собственность – живая. Понимать ли ее как способность к действиям или как человеческую сущность, но она всегда утекает туда, где ценится, воспроизводится, где есть культура в обращении с нею и прежде всего – где находятся кадры компетентных собственников. И в этом смысле «утечка капитала» – объективное явление, его не остановить никакими законами и директивами. Пока существует разность потенциалов управленческой компетенции – поток собственности сметет либо обойдет любую плотину.

Вот совсем немного мыслей – кратких, и уже в силу этого неточных – по поводу собственности. Для молодых слушателей добавлю только одно: хотим мы этого или нет, но именно мы, Россия, являемся прямыми наследниками фундаментальной, наиболее укорененной в мировой культуре линии в понимании собственности и управлении ею. Эта линия идет от Платона и отцов Церкви – к немецким классикам. Еще в 1800 году философ Фихте в работе о замкнутом торговом государстве, которую он преподнес в дар одному видному государственному деятелю Германии, подробно объяснял, что собственность – не вещь, а деятельность.

Эта линия в наиболее явном виде была развита младогегельянцами, среди которых самый известный – Маркс. Именно Маркс посвятил всю свою жизнь изучению исторически последнего, высшего института собственности – капитала. Он написал на эту тему огромное количество томов вовсе не потому, что хотел понаучнее объяснить пролетариям, как ставить буржуев к стенке. Увы, напрасно Маркс пытался растолковать «марксистам», что дело не в *упразднении* частной собственности (тогда она просто исчезнет), а в конструктивном *овладении*, на философском языке – «снятии». Поняв принципы работы капитала как отчужденной мегамашины, люди должны научиться ею управлять. Потому что до новейшего времени, до конца девятнадцатого века, сама эта машина управляла как рабочими, так и капиталистами, иногда проявляя себя как могучая производительная сила, а зачастую – как разрушительная. Настоящий адресат, для которого Маркс

писал свой «Капитал», – современные государственные финансисты типа руководителей Федеральной резервной системы в США.

Собственность в философском смысле – феномен, который возникает в обществе, когда вы, присваивая дефицитные вещи или ресурсы, распределяя их, обмениваясь ими, оказываетесь в кругу других действующих лиц. Человек, по определению Аристотеля, – «зоон политикон», общественное животное. Получается, по Марксу, что *собственность* человека есть практически то же самое, что его *сущность* – «совокупность всех общественных отношений человека». Как видите, ничего заумного здесь нет, это значение запаяно в русском слове «собство» – свойство, сущность человека. И в этом смысле, пока есть общество – собственность будет существовать. Есть собственность на вещи и производительные силы, есть собственность на систему отношений в процессе совместной деятельности, есть собственность на понятия, на образы, на символы. Вопрос лишь в одном: она нам принадлежит или мы – ей?

Понимаете, коллеги, *язык – тоже один из институтов собственности*. Когда вы используете некоторое слово или понятие, в гораздо большей степени это слово или понятие использует вас. Когда вы говорите на русском языке или на чувашском – это язык говорит вами. Вы не вольны изменить его смысловой, грамматический, фонетический строй. Ведь даже все эти обсуждаемые смыслы запаяны в слово «собственность» не нами.

Поэтому в Истории и встает великий теоретический и практический вопрос о том, кто главный в паре – человек или его собственность? И что такое «своя собственность»? Свое собство? То есть опять масло масляное... До последнего времени можно было утверждать, что наша собственность в гораздо большей степени владеет нами, чем мы ею. Весь путь человека к Богу в этой главной европейской мыслительной традиции, которая идет от греков через немецкую классическую философию, младогегельянство, марксизм, а дальше через институционалистов, через школу «Анналов» (это я для историков говорю) и других – это преодоление отчуждения. И следовательно – преодоление собственности. Собственность – наша несвобода. А овладение собственностью – овладение свободой. Тот, кто не считает, не видит себя собственником – не осознает глубины своего рабства. В той мере, в какой вы, обучаясь, приобретаете компетенцию управлять собственностью – своей и чужой, – в той мере вы становитесь человеком. Несобственник не живет в своем времени, он является его жертвой, просто присутствует в нем, а другие управляют его собственностью, им самим.

Видите, вопрос о собственности – фундаментальный психологический, человеческий, философский и одновременно – очень конкретный вопрос. Потому что в каждое время актуальные технологии управления собственностью конкретны. Вы либо владеете ими, либо нет. А времени на овладение вам отпущено очень мало.

Когда я ехал сюда, один мой друг позвонил мне в поезд и с нехорошим смехом сказал: «Жаль, что ты не слышишь, что сейчас по телевизору говорит руководитель московской службы занятости. Его спросили, какова главная категория безработных в Москве. Он ответил: экономисты и юристы. Ему сразу кучу вопросов накидали: «Вы что, с ума сошли! Юрист и экономист – это же дефицитнейшие профессии!» А он им говорит: «Вы, что, ребята, не в курсе, что ли? Вы на Марсе живете? Наплодили граждан с дипломами юристов и экономистов, как собак нерезаных. Но они же ничего не могут, не умеют управлять современной собственностью, она у них между пальцами просачивается! Они против компетентного управленца – как инвалид против каратиста. У них все и отбирают».

Вопрос. Сергей Борисович, я бы хотел в Вашу схему попытаться встроить такую вещь, как хозяин. Когда-то мне пришлось с этим разбираться, и я понял, что хозяин – это человек, который заботится о собственности, печется о ней.

Чернышев. Да, конечно.

Вопрос. Каким бы образом Вы это увидели? В какой связи?

Чернышев. Когда шла дискуссия о гимне нашей необъятной Родины, у меня даже был порыв в ней поучаствовать, хотя мне это вообще-то не свойственно. Мне казалось, что таким гимном, возможно, могла бы стать известная песня тридцатых годов «Широка страна моя родная». «Человек проходит, как хозяин необъятной Родины своей»... Помните? Старшее поколение помнит. Между прочим, очень красивая песня. Хозяин!

Что такое собственник в банальном смысле слова? Что конкретно означает, что вы собственник своего хозяйства? Во-первых, оно не должно дохнуть от голода. Если это, например, ваша лошадь, или курятник, завод, колхоз, или ваш регион, вы не должны допустить, чтобы там разрушалось воспроизводство. Если вы не можете прокормить себя, семью, скотину, хозяйство, – значит, вы не собственник. Это первое качество хозяина – способность поддерживать воспроизводство, простое, а лучше расширенное.

Второе. Если в хозяйстве валяется что-нибудь «бесхозное», например, ракета какая-нибудь, корабельная верфь, оборонный НИИ или целая отрасль, а вы умеете или желаете только «управлять денежной массой», тогда завод, который валяется без толку – это не ваша собственность, не трясите документами. В лучшем случае кто-нибудь придет, подберет его, заберет даром – и слава Богу. В типичном он станет хронической болячкой, долговременным источником социальных и политических проблем. А в худшем случае этот завод используют как плацдарм и как повод отобрать у вас всю собственность. И поделом! То есть хозяин – тот, у кого нет бесхозных вещей. И не надо лепетать про отсутствие кредитов, малый спрос и прочие убогие отговорки. Тебе не нужно твое, родное? Не умеешь распорядиться? Заберем и его, и все прочее, коли ты импотент. Второй признак хозяина – готовность и способность отвечать за целое, а не за куски, про которые что-то «учили» в ПТУ или бизнес-школе. Собственность целостна, она не будет подстраиваться под пробелы в вашем образовании, опыте или в программе MBA.

И, наконец, третий признак хозяина. Приходят к нему какие-то люди и говорят: «Нам вот этот кусок вашей собственности нравится. Мы его забираем». И он, хозяин, должен быть способен эффективным образом продемонстрировать, что собственность – его, а не их. То есть отбиться. Управленческими, юридическими, экономическими или иными методами, включая силовые. В древней Греции, например, софисты учили собственников искусству ведения споров. Ибо тот, кто проигрывал спор в народном собрании полиса, мог быть лишен имущества и выселен.

Сегодня любой человек, претендующий на роль собственника, хозяина, должен владеть технологиями взятия под контроль, то есть, грубо говоря, захвата: если вы не умеете захватить чужое, тогда не сможете и свое отстоять. Взятие под контроль, защита, реструктуризация собственности – из одного базового набора компетенций. Идет гонка управленческих технологий, постоянно появляются новые. И тот не собственник, кто не вооружается и не перевооружается.

На первый взгляд, это выглядит жестоким или циничным. Но в традиционной экономике вы тоже теряли собственность, хотя и косвенным путем – вы разорялись, ваше барахло продавали с аукциона, и кто-то его покупал. А в современном мире к вам приходит другой хозяин и говорит: «Так, это вот мне нравится. Теперь это мое». Но тем самым запущен новый, мощный двигатель прогресса. Потому что теперь эффективные собственники у неэффективных не косвенно, не через рынок, не правой рукой через левое ухо, а напрямую забирают собственность. Идет прямое столкновение управленческих компетенций. И это правильно, и это морально оправдано. А защититься как? Да очень просто. Просто быть хозяином своей собственности в полном, современном смысле слова.

Но что такое в этом смысле собственник страны, хозяин страны? В нашем необъятном отечестве сейчас никто этой позиции не занимает. Каждый управляет тем, чем может, чем-то своим. Ну, максимум на что поднимается правительство – это попытаться поуправлять Юкосом. И то у него не очень получается. А что такое Юкос? Это всего-навсего одна из крупных компаний в рамках одной из отраслей.

А отраслями кто-нибудь управляет? Нет. У либеральных экономистов есть такая точки зрения, что понятие отрасли в современном мире исчезает. Они отстали с этим представлением лет на тридцать. А регионами? Остро необходима позиция хозяина страны не в метафорическом смысле слова, а в самом что ни на есть конкретном. У нас из-под Иркутска китайцы увозят лес, потому что реально нет собственника на лес под Иркутском. Там не три ветви власти, а тридцать три. И каждая свободно (от центра) конвертируется в юани. Из страны утекают капиталы потому, что страна-то бесхозная. Официально у нас ее пока никто в целом не отбирал, но втихую она рассасывается. И не потому, что это какой-то жидомасонский заговор, а потому что мы сами позицию собственника не занимаем.

Понимаете, для меня понятия собственника, хозяина и гражданина тесно связаны. Кто такой гражданин не в пропагандистском смысле, а с точки зрения управленческой компетенции?

Когда родной завод накрылся медным тазом, – а с ним была связана вся жизнь, это какой-нибудь градообразующий протезный либо свечной заводик, куда ходили все предки, – жизнь быстро делит лиц, потерявших работу, на граждан и неграждан. Неграждане идут стучать касками по рельсам, адресуясь со своим отчаянным, но абстрактным протестом в пустоту. Ведь хозяина-то нет! А граждане, поплакав и выпив водки, выходят на улицу, разбираются с соседями, выясняют, в чем их интерес, прикидывают, что бы они могли вместе сделать, договариваются, регистрируют простейшее юридическое лицо, выходят на ярмарку социальных проектов, ищут спонсоров – и глядишь, на руинах свечного заводика поднялся цех по производству мыла и автокосметики.

«Хозяин» или «собственник» – это сложно устроенное внутри себя понятие в виде иерархии ответственностей и компетенций, которые постепенно распространяются с вещи повседневного обихода – типа скотины или велосипеда – на завод, город, корпорацию, отрасль и, наконец, на страну. Вопрос собственности, вопрос хозяйства и вопрос предпринимательства (я сейчас об этом скажу), как вы видите, тесно связаны. Человек – если он хочет быть человеком – прежде всего должен состояться как хозяин, как собственник и как предприниматель. Если в нем таких слоев нет, – даже если он отличник боевой и политической подготовки, читает Блаженного Августина, играет на скрипке и ходит на выборы, – это частичное, социально-ущербное существо. Оно зависимо, оно висит на шее у родственников, на шее у общества – оно не состоялось как хозяин. И само себе оно, конечно, не хозяин.

Перейдем к понятию *предпринимательства*. И опять я сначала обращусь к Далю, потому что не хочу мучить вас теориями. Будем опираться на тот теоретический слой, который изначально присутствует в языке. Язык уже все знает по поводу того, кто такой предприниматель. Попробуем этот язык из себя извлечь, достать... Высуньте ваш язык и посмотрите на него снаружи – это, кстати, очень непростая операция, – и вы узнаете многое про предпринимателя, то есть про себя.

Если заглянуть в словарь Даля (делать это никогда не вредно), обнаруживается несколько странных и даже поразительных вещей, связанных со словом «предприниматель». Собственно, такой словарной статьи у Даля вовсе нет. И не только у него. Я включил сетевой ресурс «Рубрикон», там есть штук двадцать энциклопедий и словарей помимо Даля, в них «предприниматель» встречается как слово, но отсутствует как понятие.

Даль пишет, что «предпринимать» – значит затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело; что это связано со смелостью, решительностью и отвагой, доходящей до безрассудства; что это означает приступить к свершению чего-либо значительного.

Итак, в этом определении есть, во-первых, акцент на новизне деятельности, во-вторых – сильный элемент, связанный с решимостью, отвагой и смелостью, и в третьих – указание на то, что эта деятельность осмысленна, значима, значительна. Для того чтобы заниматься бизнесом в современном мире (за исключением особо отдаленных мест типа Уганды и России) вовсе не надо крутой новизны, особой решимости и отваги, а тем паче осмысленности. Все это совершенно лишнее. Производите, пожалуйста, вашу пиццу, экономьте при этом на издержках, повышайте эффективность производства, занимайтесь рекламой и так далее. Если дело происходит где-нибудь в городе Страсбурге, едва ли по этому поводу на вас начнут наезжать солнцевские. Так что «бизнес» и «предпринимательство» – вещи сугубо различные.

Очень интересно осмотреть словарные окрестности слова «предпринимать». Вы обнаружите колоссальное количество глаголов, начинающихся частицей «пред-». И 90% этих слов неупотребимо в современной лексике – что-то случилось с нашей речью, она отторгает подобные слова. «Предзначать», «предозарять», «предзаконие» и т.д. и т.п. – большая часть слов с частицей «пред-» вышли из обихода. И это не простые, не проходные слова. Вот пример: «предзаконие» – исконное, начальное правило, самое-самое главное, на котором базируются все остальные законы. Это значение, напрямую связанное с далевской «значительностью», хотя и устаревает, но еще живет.

Каково же значение самой частицы?

Во-первых, частица «пред» сидит в ядре слова «вперед». Делать что-то «пред» – это опережать, делать что-то заранее, раньше всех. К примеру, предохранять, предотвращать, предостерегать, предопределять, предназначать, предвидеть. Вот есть рутинная деятельность,

которая называется «видеть», а есть передовая, которая называется «предвидеть». Есть деятельность, которая называется «принять на себя», «принять к исполнению». И есть деятельность, которая называется «предпринять». Это значит делать раньше всех, делать первым. Здесь есть целый ряд смыслов. Если после вас никто не будет делать это, то значение «делать раньше всех» теряется. «Сделать раньше всех» означает, что вы что-то сделали первым, а потом, по итогам того, что сделали вы, это стало общепринятым. Если вы что-то сделали раньше всех, но после вас никто этого делать не стал, это означает, что предприятие не удалось и вы не предприниматель.

Итак, первый смысл: вы приступаете к некоторой деятельности, которой не было в тот момент, когда вы к ней приступали. Вы ее создаете. И второе: вы ее создаете так, что другие вслед за вами начинают повторять. При этом вы оказываетесь первопроходцем, который сделал это раньше всех.

Но имеется и совершенно иной смысл. Передовая частица «пред» прячется в слове «предок». Предшественник. Предрассудок. То, что было раньше. Каким образом одно и то же может означать то, что было раньше, и то, что опережает?

«Предпринимательство» содержит неразличимое слияние трех значений. Чего-то важного, значимого, высшего. Чего-то архаического, предшествующего, прошлого. И чего-то авангардного, опережающего, будущего.

Если вы сталкиваетесь в любом языке, хоть в русском, хоть в английском, с таким феноменом, – значит, за ним стоит нечто чрезвычайно важное, связанное с Богом, судьбой, *предназначением* человека в этом мире. Поэтому к слову «предпринимать» стоит относиться со всей серьезностью.

Есть все основания утверждать, что человек в человеке начинается со способности предпринимать. Существо, которое приходит на «рынок труда», вставляется в заданные извне рамки какой-то деятельности и успешно осуществляет ее по канону, который не само изобрело, ничем не отличается от шарманщика или от лошади в чигире, что идет по кругу, вращая вал насоса. А потом вдруг канон рушится и...

У Вячеслава Леонидовича Глазычева, который перед вами уже выступал, есть текст «Конец профессий». В современном мире с профессиями происходит то же, что с короткоживущими элементами в конце химической таблицы Менделеева: вроде элемент, вроде профессия, какой-нибудь там специалист по системному анализу или по ваучерам. Через пять лет бросился покупать ваучеры – никто и не помнит, что это такое. Через десять лет хватился, а системный анализ исчез. Куда делся системный анализ? Нет его. И ваша профессия попала в краеведческий музей.

Профессии как таковые исчезают. Пожилые люди еще говорят: «Хорошо бы внуку приобрести хорошую профессию». Да, хорошо. Было. Очень хорошее было время, славное, золотой век. Поздно, прощайтесь с институтом профессий. Предприниматель – не профессия, предприниматель – это *компетенция* (использую термин Олега Игоревича Генисаретского). Предприниматель не тот, кто владеет определенным типом деятельности, а тот, кто сам создает новые типы на регулярной основе.

То есть спроектировал он новую деятельность – она заработала, принесла ему хлеб, удовлетворенность и смысл жизни. Через пять лет накрылась эта деятельность – и что? Все пошло, как я уже говорил, стучать касками. А предприниматель вновь предпринимает, он опять пересоздает себя, свою деятельность, свое собство, свою компетенцию, вокруг себя переустраивает мир.

Таким образом, предприниматель – не тот человек, который нанялся в подручные к собственности, и она крутит им как хочет. В этом последнем случае он уважаемый бизнесмен или юрист. Право, деньги, капитал – это все слои, институты собственности. Человек-право (юрист), человек-деньги (купец) или человек-капитал (банкир) – они не предприниматели. Но тогда они рано или поздно станут жертвами предпринимателей. Не потому что те плохие и хотят всех сожрать, бедных птичек! А потому что такова участь человека: он послан сюда, чтобы создавать новое. В первую очередь, из собственности тех, кто перестал предпринимать по лени или недомыслию.

Последовательно овладевая новыми слоями собственности, приобретая новые способности, человек, как говорят философы, преодолевает самоотчуждение, из социальной несвободы выходит

навстречу Господу. Чуждые внешние силы он осваивает, присваивает, полагает внутрь себя, как свои. Не правда ли, это непривычный, иной (по отношению к житейскому) взгляд на собственность?

Сто шестьдесят лет назад 25-летний Маркс, – он был тогда антикоммунистом – разбирая фундаментальные основы французской конституции 1773 г. (по образцу которой скроена и наша), сказал, как выстрелил: «Человек не был освобожден этой Конституцией от собственности, – он получил свободу собственности. Он не был освобожден от эгоизма промысла, – он получил свободу промысла». То есть он получил свободу играть в ту игру, которая на самом деле является формой его закрепощения, а не освобождения. Получил свободу рухнуть в объятия невидимой руки, вместо того, чтобы освободиться от самой руки. Маркс говорит фанатам бизнеса: вы хотите играть в эти игры? Хотите, чтобы были циклические кризисы, прыгали вверх-вниз разнообразные индексы? Валяйте, ребята, отрывайтесь на всю катушку. Проклятый феодализм лишил вас буржуазных чупа-чупсов, так сосите вволю, покрываясь прыщами тинэйджерского взросления...

Хотите состояться как человек? Тогда предстоит «по капле выдавить» из себя раба собственности, научиться управлять ею, стать предпринимателем. Только не забывайте, что предприниматель – не профессия, а этап на пути человека к собственной свободе, сущности, целостности.

Вопрос. Сергей Борисович, как Вы считаете, когда Путин ставит вопрос об увеличении темпов роста экономики, он выступает как собственник, как хозяин или как предприниматель?

Чернышев. Понимаете, собственник, предприниматель – это абстракции, просто слои компетенций в человеке. Человек целостен, и в нем всегда много слоев. Я бы конкретизировал этот вопрос, чтобы отвечать стало интереснее: что он за человек? Кого представляет?

Вот в книжке «Владимир Путин. История жизни» говорится, что он с детства мечтал стать разведчиком. А почему он мечтал стать именно разведчиком? Думаете – романтика, тайны, стрельба, опасности? Нет. Он объясняет, почему. Его всегда поражало, как усилия одного человека, всего лишь одного, во время войны оказываются сопоставимы с усилием тысяч людей. Если разведчик точно и вовремя докладывает, где противник готовит генеральное наступление, то он, собственно говоря, вносит огромный вклад, сопоставимый по своей значимости с целыми армиями.

А попробуйте понять, почему разведчик оказывается способен на такое? Даже в кино это невозможно сделать в одиночку. Юстасу нужен Алекс, нужна целая сеть резидентов и агентов, радисты, связные для обмена данными. Нужен, прежде всего, эффективный информационно-аналитический центр, который точно наводит разведчика на цель. Штирлиц только благодаря Центру узнал о переговорах Даллеса с Вольфом. А мощь Центра, в свою очередь, опирается среди прочего и на согласованную деятельность многих нелегалов, подобных Штирлицу.

Так что это за идеал деятельности? Полковник Исаев далек от образа одиночки-рейнджера, не вылезающего из стрельбы и мордобоя. За все двенадцать серий он делает единственный выстрел. Нет, идеал разведчика – это, собственно говоря, идеал человека *корпоративного*.

В Путине мне особенно интересна эта черта, напрямую связанная с развитием современного предпринимательства. Дело в том, что по объективным причинам оно становится все более корпоративным. По некоторым параметрам они даже опережают разведку. Я имею в виду, прежде всего, современные методы и информационные технологии захвата, защиты и реструктуризации собственности. Но в корпорациях разведчиков есть многое из того, чего им не хватает. Это многовековая культура информационной работы разведчиков и контрразведчиков, корпоративная этика, глубокое и одновременно практическое понимание человеческой психологии и многое другое. Там, где удастся естественным образом соединить две эти стороны современной корпоративности, добавив к ним еще культуру работы крупного оборонного конструкторского бюро, произойдет прорыв в будущее.

Новые корпорации, приход которых предвидели Дюркгейм и Бердяев, способны раскрыть качественно новое измерение свободы, неожиданный пласт человеческих возможностей. Излишне повторять, что такое раскрытие всегда сопряжено с новыми угрозами и рисками.

Путин по духу своему человек корпоративный, в современном его варианте, и это пробуждает во мне некоторые надежды.

Фактически, говоря об этом, мы подошли вплотную к третьей теме – России. Но тут-то и начинаются главные трудности. На их фоне меркнут отечественные злоключения собственности и предпринимателя. И впрямь, стоит в российской аудитории заговорить про собственность, в задних рядах раздается шарканье, в передних – позевывание: а-а, это не про меня. Мол, не было ее у меня, нет и не будет. Заходит речь о предпринимательстве – в глазах слушателей читается убежденность, что последнюю точку в разговоре должен ставить прокурор. Но даже робкое заикание мысли по поводу России тут же погребает под собой лавина высоких чувств. Из атавистических глубин подсознания лезут пикейные жилеты с томиками Соловьева и Флоренского, интеллигенты, ведущие судьбоносные споры на кухне до рассвета...

Уже много лет в подобных обстоятельствах я не устаю напоминать о том, что сказал философ Соловьев по поводу «русской идеи» (и, вообще-то говоря, идеи любой страны). *Идея России – не то, что мы думаем о ней во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности.* При звуках цитирования философствующие краеведы дежурно кивают, но продолжают публично бредить на темы политсоборности. То есть слухом обладаем, а орган восприятия смысла медведи оттоптали. Желаящие постичь идею России здесь и сейчас по сути претендуют на то, чтобы сесть, поковырять где-нибудь в ухе и оперативно выяснить, что там конкретно про нас Всевышний задумал в вечности.

Боюсь, нам покуда не под силу (да и не ко времени) разгадывать весь Предвечный замысел о России или, скажем, Великобритании. Вместо этого хорошо бы понять ту часть замысла, что непосредственно относится к нашей конкретной деятельности, здесь и сейчас. Речь о вас, обо мне, обо всех тех, чьи действия либо бездействия влияют на пульс страны в первые годы третьего тысячелетия.

Русская идея, как и всякая иная идея Господа, отражает себя в искривленных зеркалах человеческих *понятий, образов и символов*, и в меру этого она нам дана. Например, сквозь понятие «собственность» она местами просвечивает. Но попытки «перевести» подобные понятия (не говоря уже про образы и символы) на другой язык заранее обречены. Например, в русском языке есть два понятия – «справедливость» и «правосудие», которым в английском языке соответствует одно – «justice». Похоже, наше фундаментальное понятие «справедливость» на английский язык вообще непереводаемо. Зато в английском есть пара слов «liberty» и «freedom», которые переводятся на русский язык одним словом – «свобода». Но свободе в нашем понимании отвечает, скорее, второе, а категория «liberty» в русском языке не имеет эквивалента.

Конечно, языки-гипертексты между собой на глубинном уровне связаны, но как? Мы пока не знаем. Проблема научного перевода неразрешима. Поэтический перевод невозможен. Принципиально непереводаем на другой язык текст, содержащий новые идеи. Но это не проблема скверных переводчиков, это проблема божественного разно-образия.

Итак, русская идея (как и французская с монгольской) дана нам в понятиях. Далее, она дана нам в образах – исторических, литературных, житийных. Павка Корчагин, Мария Волконская, Артем Тарасов – это первый советский миллионер (жаль, что не последний). И есть символы: герб, гимн, бурый медведь, медный всадник, башни Кремля и многие другие. Но мы редко задумываемся о главном символе русской идеи. Самое насущное именно в силу своей насущности чаще оказывается невидимым. Главное символическое воплощение русской идеи – сама русская речь, важнейшее средство воспроизводства *идентичности* страны и ее народа.

К чему мы об этом говорим? Повторю еще раз мысль, которая на первый взгляд кажется дежурной банальностью. Русская идея не воспринимается нами непосредственно, методом «трансцендентальной апперцепции», она воплощает себя в символическом, образном и понятийном слоях русской речи. Что же из этого следует? Напоминаю, и символы, и образы, и понятия как формы сознания относятся к числу *социальных форм собственности*, к ее верхнему слою. И сегодня они управляют нами, нашей идентичностью, а не мы ими.

Россия – ее земная территория, люди, города, регионы, отрасли, предприятия – это и есть собственность Русской идеи. Мы призваны управлять ею от имени идеи, воспринимая ее сигналы посредством воли, веры или знания. Стоит нам перерезать высоковольтную линию между собой и нашей идеей, – например, уехав на Запад, изменив язык общения, – как исчезает импульс воли, рушится вера, обесценивается запас знаний.

Русская идея нам непосредственно не дана, но нам дана в управление ее земная собственность. Покуда мы действуем от имени этой идеи (воплощая тем самым волю Того, кому идея принадлежит), у нас есть воля к действию. Перефразируя Тютчева, и нам энергия дается, как нам дается благодать. Потеря собственности на свою страну – земная сторона богооставленности, следствие отпадения от культурно-национальной идеи. Отсюда неумаляемая значимость третьей части в педагогической триаде «образование – обучение – воспитание».

Как же проявляется загадочная собственность-идентичность на бытовом управленческом уровне? Да очень просто и наглядно. Представьте себе, что топ-менеджеры некоторой корпорации пересобачились по поводу изменения стратегии. Смена стратегии – всегда чрезвычайно болезненный и опасный акт, он задевает коренные интересы, реструктурирует собственность, рушит организационные структуры, лишает часть руководителей власти, ресурсов, прав и т.п. И вот топ-менеджеры стоят на ушах, они уже все переругались, дело идет к расколу совета директоров. Вот-вот начнется стрельба и распил компании на части. В этот момент один из тяжущихся собственников выпускает из рук воротник и бороду другого, ухмыляется и произносит мстительным голосом Шуры Балаганова: «Может быть, все-таки возьмете частями?». Пауза, осторожный смех, переходящий в хохот, ситуация несколько разряжается, и мозги начинают разворачиваться в конструктивную сторону. Вскоре находится спасительный компромисс.

Ситуация, знакомая многим. А что, собственно, случилось? У конфликтующих руководителей оказался общий образный ряд, они читали одни и те же книжки. Благодаря этому человек в ситуации крайнего напряжения смог взглянуть на себя со стороны, глазами собственной культуры – а взгляд на себя со стороны дорогого стоит, – оказался способен воплотить увиденное в знакомый образ и потому выразить одной фразой. Понимаете? Больше времени не было, только на одну фразу. Но вы должны сказать такую, чтобы все сразу увидели ситуацию в целом и себя в ней как в зеркале. А это возможно, только если конфликтующие говорят на одном языке (и неплохо говорят), если среди книжек, что они читали, есть хотя бы небольшое общее ядро, есть известные всем персонажи.

Вот вам микроакт, в котором срабатывает культурный инвариант, загадочная национальная идея встревает в отношения собственности.

Означает ли это, что не может быть никакого общечеловеческого, космополитического хозяйствования? Что мы замурованы в оболочку конкретного языка, поработаны обстоятельствами своего рождения именно здесь, а не в Китае или, еще лучше, в Соединенных Штатах? Что мы, говорящие по-русски, обречены на лапти, квас и прочую этнографию?

(Никогда не забуду нью-йоркский ресторан, по-моему, «Самовар», расположенный неподалеку от «Плазы». Туда мы в 1989 году зашли с Соросом. Там все время раздавался звук балалаек, подавались блины и щи с пирогами, официанты ходили в каких-то армяках с кушаками, и все как один были неграми.)

Мы ведь уже выяснили, что собственность – это несвобода, собственность – это отчуждение, которое нужно преодолевать. Выходит, язык как наша частная собственность нас навсегда поработает? Особенно важно с этим разобраться филологам и историкам. Что же, срочно переходим на эсперанто?

...Хотел было ответить на собственное вопрошание развернуто, да вижу – время поджидает. И вот что мне пришло в голову. У Пастернака есть очень интересное стихотворение. Бьюсь об заклад, большинство присутствующих даже не знает о его существовании. Называется оно «Тема». Я плохой чтец, поэтому сначала поясню, что темой «Темы» является визит тов. Пушкина в Египет. Он где-то там стоит на берегу Красного моря, ну, не в Хургаде, конечно, а рядом со сфинксом. Вообще-то, это ахинея, это полный постмодерн – Пушкин, как вы знаете, никогда не был за границей, тем более в Египте. Читаю.

*Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
Скала и – Пушкин. Тот, кто и сейчас,
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспую, пустыней,*

И больше ничего. Скала и шторм.

Пушкин же из эфиопов, и сфинкс – его родственник. Вот он и видит – знакомая морда! Мой дедушка Ганнибал тоже местный...

.....
*На сфинксовых губах – соленый вкус
Туманностей. Песок кругом заляпан
Сырыми поцелуями медуз.*

*Он чешуи не знает на сиренах,
И может ли поверить в рыбий хвост
Тот, кто хоть раз с их чашечек коленных
Пил бившийся как об лед отблеск звезд.*

*Скала и шторм и – скрытый ото всех,
Нескромных – самый странный, самый тихий,
Играющий с эпохи Псамметиха
Углами скул пустыни детский смех...*

Нам навесили на уши дужки греческих очков – стереотипный европейский взгляд на сфинкса как некую загадку. А здесь дан другой, русско-хамитский образ, взгляд Пушкина. Просто большой, каменный землячок такой, немного странноватый – как, впрочем, и все у нас. Чему-то по-тихому улыбается, может, вспоминает шашни с местными длинноногими русалками.

Русский язык (как и всякий другой) – такая частная собственность, которая содержит в себе ключ к преодолению собственности, к выходу за ее рамки. Но чтобы вырваться из плена собственности, надо ею в совершенстве овладеть. Принять в себя стихию языка, сделать ее своей стихией. «Есть упоение в бою!» Потому и молодой Маркс (кстати, писавший стихи) говорил об идеях-демонах, которых можно победить, только подчинившись им.

Точно так же, чтобы преодолеть путы экономической деятельности, надо освоить ее в совершенстве, «положить в себя» как слой собственных способностей, новый, самосозидаемый этаж личности. Тот, кто не управлял заводом, не сможет управлять собой.

У Гегеля есть такой образ: Всевышний, творя мир, выбросил из себя внутреннее содержание огромной вселенской кучей и сказал людям: «Трудитесь и разбирайтесь». Ноковыряясь в типологии природы, в формах материи, мы разбираемся сами с собой. Людям же свойственно все новое осваивать и ощупывать руками, пробовать на вкус. Младенец все тянет в рот, грызет соску, слюнявит погремушку и кубик... Загадка собственности дана нам для того, чтобы мы, овладевая собственностью, овладевали бы собой, строили себя. Снятие каждого внешнего слоя *собственности* – это полагание внутреннего слоя *способности*. Сначала мы на протяжении Предыстории овладеваем универсальными способностями производить, распределять и обменивать вещи. Потом во втором, постиндустриальном зоне (который едва начался), учимся совместно реализовывать предпринимательские, корпоративные и, наконец, стратегические проекты. Только освоив стратегический слой, человек не на словах, а на деле может стать собственником своей страны. И лишь затем, в третьем историческом зоне, дойдет дело до символов, образов и понятий, высвобождаемых из оболочки русского языка.

Россия, конкретно понимаемая и обустроиваемая как собственность, – вот узел, где *происходящее* с нами может превратиться в *производимое*. От *неприятия* русского хода дел нужно перейти к России как совместному *предприятию*.

Вопрос. Сергей Борисович, российский менталитет как-то можно сдвинуть или поменять, чтобы он был более конструктивен в плане предпринимательства? Чтобы люди научились конструировать, а не ждать, когда кто-то за них все сделает?

Чернышев. Поменять ментальность теоретически можно, но это сильно связано со сменой идентичности. Нельзя ли как-нибудь всех русских заменить на китайцев? Можно, наверное. Именно это и происходит: не пользуемся своим, и оно, плохо полежав, становится мало-помалу китайским. Предприниматель – тот, кто по-хозяйски использует наличное добро. В российской ментальности есть очень много залежалых качеств, неценных для предпринимательства.

Люди моего поколения, те, кому сейчас от сорока до шестидесяти лет, долгое время жили в очень современном обществе. (Некоторые вообще считают, что в XX веке было всего два современных общества: Советский Союз и Соединенные Штаты). Но при этом они жили двойной и даже тройной жизнью. То есть была официальная жизнь, была реальная, а также одновременно подпольная, блатная, цеховая, бытовая... И это создало очень сложный тип ментальности. Кроме того, «базис» с «надстройкой» были из разных исторических эпох: сограждане на партсобраниях изучали положения и выводы, содержащиеся в трудах фараона, при этом работали в крупных современных корпорациях, включающих хай-тек и программно-целевое управление. То есть я считаю, что наша ментальность, даже со всей ее... Как бы выразиться поприличней? Приличного слова-то нет для описания нашей ментальности. А! Раздолбайство! – придумал с большим трудом... Так вот, российская ментальность представляет собой ценнейший материал для предпринимательства, и пока не поздно надо его использовать.

И посмотрите, у нас за полтора десятка лет такое количество предпринимателей возникло! Целые социальные слои и группы – например, почти все выпускники Физтеха – стали предпринимателями. Грубо говоря, количество инновационных схем и проектов, отнесенных на душу населения, в России сегодня аномально высокое. И это наш главный потенциал, исторический шанс – способность в самых невероятных и безнадежных обстоятельствах, с изобретательностью Левши, лепить предпринимательские схемы и проекты «из того, что было».

Из сиротства и богатства, из уродства и братства, из всемирной предприимчивости русской души нам предстоит построить свой, собственный двадцать первый век.